
Д. С. ЛИХАЧЕВ

«Слово о полку Игореве» и процесс жанрообразования XI—XIII вв.

«Слово о полку Игореве» несходно с другими произведениями русской литературы XI—XIII вв. При этом оно несходно с другими произведениями древней русской литературы только в жанровом отношении, так как в своей лексике, отдельных стилистических оборотах, метафорах, символах и т. д. — оно не выпадает из круга произведений XI—XIII вв. В последнее время эти связи «Слова» с другими произведениями древней русской литературы хорошо суммированы в книге В. П. Адриановой-Перетц «„Слово о полку Игореве“ и памятники русской литературы XI—XIII веков», вышедшей осенью 1968 г.

Однако в жанровом отношении «Слово о полку Игореве», действительно, мало изучено. Как известно, существует несколько гипотез, весьма противоречивых и, в общем, недостаточно обоснованных. В «Слове» исследователи видят то «поэму», то «воинскую повесть», то «былину XII в.», то «торжественную речь», произнесенную в честь Игоря Святославича при его возвращении из плена. Между тем вопрос о жанре «Слова о полку Игореве» важен не только для самого «Слова», но и для истории раннефеодальной литературы и раннефеодального эпоса.

Прежде чем обратиться к определению того, каким же был жанр «Слова о полку Игореве», присмотримся к некоторым особенностям жанровой системы древнерусской литературы XI—XIII вв.

* * *

Жанровая система древней русской литературы была довольно сложной. Основная часть жанров была заимствована русской литературой в X—XIII вв. из литературы византийской: в переводах и в произведениях, перенесенных на Русь из Болгарии. В этой перенесенной на Русь системе жанров были представлены в основном церковные жанры — жанры произведений, необходимых для богослужения и для церковной жизни: монастырской и приходской. Здесь должны быть отмечены различные руководства по богослужению, молитвы различных видов, жития святых различных типов, произведения, предназначавшиеся для благочестивого индивидуального чтения, и т. д. Но, кроме того, были и сочинения более «светского» характера: разного рода естественнонаучные сочинения (шестодневы, бестиарии, алфавитарии) и сочинения по всемирной истории (по ветхозаветной и римско-византийской), сочинения типа эллинистического романа («Александрия») и мн. др.

Разнообразие перешедших на Русь жанров поразительно. Однако вот на что следует обратить внимание. Были жанры, которые существовали только вместе с перешедшими на Русь произведениями и не продолжали здесь самостоятельного существования. Евангелия двух типов, например, — это особые жанры, но они были связаны с содержанием так крепко, что евангелий, посвященных другим сюжетам, не могло быть. Но были жанры, продолжавшие на Руси свое активное существование. В их рамках создавались новые произведения на новые сюжеты: например, жития русских святых, проповеди, поучения, реже молитвы и другие богослужебные тексты. Таким образом, среди жанров, перешедших на Русь из Византии и Болгарии, существовали «живые» жанры и «мертвые».

Кроме этой традиционной системы литературных жанров существовала и другая традиционная система жанров — жанры фольклора. Одна особенность этой системы жанров фольклора должна быть отмечена прежде всего. Фольклор в XI—XIII вв. не занимал такого социально обособленного и замкнутого положения, как в новое время. Фольклор был распространен во всех классах общества. В господствующем классе литература и ее жанры как бы дополняли жанры фольклора. Те и другие в верхах общества составляли некое двуединство, единый организм словесного искусства. Поясню, что я имею в виду.

В XI—XIII вв. граница между фольклором и литературой проходила не там, где она проходит в новое время. В новое время фольклор — это искусство народа, крестьянства, низших слоев населения. В средние века и, в особенности, в раннем средневековье фольклор распространен во всех слоях общества: и у крестьян, и у феодалов. Граница распространения фольклора в это время не столько социальная, сколько жанровая. Есть жанры, которые требуют письменного оформления, и есть жанры, которые требуют устного исполнения. А поскольку грамотность была распространена не во всех слоях общества, то не столько фольклор, сколько литература была ограничена и социально. Фольклор же этих социальных ограничений в период раннего феодализма, в целом, не знал. Как известно, в новое время — положение обратно: не ограничена социально литература, а социально ограничен фольклор.

Обе традиционные системы жанров — литературная и фольклорная — находились во взаимной связи. Отдельные потребности в словесном искусстве удовлетворялись только фольклором, другие — только литературой. В самом деле, любовная лирика, развлекательные жанры были на Руси до XVII в. только в фольклоре; церковные жанры, сложные исторические жанры были только в литературе.

Отсутствие в древней русской литературе от XI и до XVII вв. любовной лирики, театра, ограниченность развлекательных сочинений объясняется, по-видимому, именно тем, что в фольклоре была уже высоко организованная лирика, была сказка, были театральные представления скоморохов. И фольклор обслуживал всех!

Итак, в древней русской литературе ко времени создания «Слова о полку Игореве» существовали две традиционные системы жанров, тесно связанные друг с другом и взаимно друг друга дополнявшие. Разнообразие и богатство жанров было огромно. Однако как бы ни была богата традиционная, двойная система жанров, в XI—XIII вв. она оказалась все же недостаточной.

Самым кратким образом остановимся на вопросе о том, почему же она оказалась недостаточной.

XI—XIII века на Руси — это время необыкновенных по быстроте, широте и глубине социальных и политических преобразований. Русь из

родовой-общинной быстро становится феодальной. При этом стадия рабовладельческого общества как бы выпадает.¹ Феодализация происходит ускоренными темпами. Возникает колоссальное, самое большое в тогдашней Европе, государство. Это государство принимает развитую христианскую религию; на Русь переходит высокая византийская культура. Возникает новое историческое и патриотическое самосознание, которое требует особых жанровых форм своего выражения. Ни система фольклорных жанров, ни система византийско-славянских литературных жанров, перешедшая на Русь, не были приспособляемы для выражения новых тем. Первая в силу своей архаичности, вторая в силу своей преимущественной церковности. В результате поисков новых жанров в русской литературе и, я думаю, в фольклоре появляется много произведений, которые трудно отнести к какому-нибудь из прочно сложившихся традиционных жанров. Они стоят вне традиционных жанров.

Ломка традиционных форм вообще была довольно обычной на Руси. Дело в том, что новая, явившаяся на Русь культура хотя и была очень высокой, создав первоклассную «интеллигенцию», но эта культура надела тонким сломом, сломом хрупким, ломким. Поэтому образование новых форм, появление нетрадиционных произведений было облегчено. Все более или менее выдающиеся произведения литературы XI—XIII вв., основанные на глубоких внутренних потребностях, вырываются за пределы традиционных форм.

В самом деле, такое выдающееся произведение, как «Повесть временных лет», не укладывается в воспринятые на Руси жанровые рамки. Летопись как литературная форма образуется далеко не сразу (не ранее второй четверти XI в.), хотя отдельные записи событий могли восходить и к концу X в. В конце XI в. формируется жанр повестей о княжеских преступлениях. «Повесть об ослеплении Василька Тербовольского» — это тоже произведение вне традиционных жанров. В XII в. формируются жанры княжеских жизнеописаний и личных летописцев князей. Ломают традиционные жанры произведения князя Владимира Мономаха: его «Поучение», его автобиография, его письмо к Олегу Святославичу. Вне традиционной жанровой системы находятся «Моление Даниила Заточника», «Слово о погибели Русской земли», «Похвала» Роману Галицкому и многие другие замечательные произведения древней русской литературы XI—XIII вв. Это типично именно для этого времени. В последующее время, в XIV—XVI вв., литературные произведения укладываются в установившиеся жанры, традиционно воспринятые из византийской литературы и вновь созданные на Руси.

Таким образом, для XI—XIII вв. характерно, что многие более или менее талантливые произведения как бы ломают традиционные жанровые рамки, но отличаются младенческой неопределенностью форм.

Забегая несколько вперед, я скажу, что неясность жанровой принадлежности «Слова о полку Игоре» — явление как раз этого порядка. Оно типично для литературы XI—XIII вв.

Следует предположить, что новые жанры или новые видоизменения старых жанров образовались в раннефеодальный период также и в фольклоре. Эти изменения нам очень мало известны, как мало известен и самый фольклор этого периода, очень слабо отразившийся в письменности XI—XIII вв. Свидетельством появления новых жанров в эпическом творче-

¹ Пропуск рабовладельческой стадии в развитии восточно-славянского общества — концепционное открытие Б. Д. Грекова.

стве является «Слово о полку Игореве» — памятник, стоящий на грани литературы и фольклора.

Обратим внимание на одну черту общественного сознания раннефеодального общества, вызвавшего формирование новых жанров и в литературе, и в фольклоре.

Раннефеодальные государства были очень непрочными. Единство государства постоянно нарушалось раздорами феодалов, отражавшими центробежные силы общества. Чтобы удержать единство, требовалась высокая общественная мораль, развитие патриотической идеологии, высокое чувство чести, верности, самоотверженности, высокое патриотическое самосознание и высокое развитие словесного искусства: жанров политической публицистики, жанров, воспевающих любовь к родной стране, жанров лиро-эпических.

Единство государства при недостаточности связей экономических и военных не могло существовать без интенсивного развития личных патриотических качеств. Вот почему развивается личностное начало в эпосе. Певец-исполнитель выражает свое личное отношение к рассказываемым событиям. Для раннефеодальной литературы и для раннефеодального эпоса в равной степени характерны произведения, окрашенные чувством сильной личной привязанности к родной стране, недовольством существующим положением, особенно раздорами феодалов и вызванными этими раздорами военными поражениями. В раннефеодальном эпосе Франции типичны в этом отношении «chansons de geste». Эпос становится лиричен и «публицистичен». В нем отражаются симпатии к сильной королевской власти, осуждение своевольных поступков феодалов и вместе с тем похвала их чувству чести, их рыцарским добродетелям, скорбь по поводу вызванных их своевольством поражений.

Возвращаясь к проблеме образования новых жанров в русской литературе XI—XIII вв., необходимо указать на то, что эти новые жанры по большей части образуются на стыке фольклора и литературы. Развитие «сознательности» в верхах феодального общества для предотвращения пагубных последствий феодального распада² потребовало развития публицистическо-политической темы в литературе. Но система жанров в литературе была традиционной, и там не было жанра для выражения этих политико-публицистических идей (идей защиты родины, объединения всех сил для борьбы с внешним врагом). Поэтому нужна была помощь эпоса.

В разных странах эпос входит в литературу, но при этом сильно публицизируется, проникается личностным началом. Эпос полон призывов к защите страны — «милой Франции» или Русской земли («Песнь о Роланде», эпос о Сиде, Нибелунги и пр.). Характерно его «направление»: призыв идет как бы от народа (отсюда фольклорное начало), но обращен он к феодалам — золотое слово Святослава, и отсюда книжное начало. В эпосе соединяется коллективность и книжное начало (элементы ораторской прозы, элементы личностного и публицистического начала).

Фольклор в соединении с книжностью взрывает обе системы жанров. Жанр «Слова» выходит за пределы и книжной системы, и системы фольклора. Одинаковая историческая ситуация создает в разных странах в схожих обстоятельствах одинаковое явление — соединение эпоса с книжным началом. Такие произведения, как «Слово о погибели Русской земли» или «Моление Даниила Заточника», — полулитературные

² См. подробнее: Д. С. Лихачев. Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII веков. — ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954, стр. 76—91.

полуфольклорные. Возможно даже, что новые жанры зарождаются в устной форме, а потом уже закрепляются в литературе.

Типичным мне представляется образование нового жанра в «Молении Даниила Заточника». В свое время я писал о том, что это произведение скоморошье. Скоморохи древней Руси были близки к западноевропейским жонглерам и шпильманам. Близки были и их произведения. «Моление Даниила Заточника» было посвящено профессиональной скоморошьей теме. В нем скоморох Даниил выпрашивает «милость» у князей. Для этого он восхваляет сильную власть князя, его щедрость и, одновременно, стремится возбудить жалость к себе, расписывая свои несчастья и пытаясь рассмешить слушателей своим остроумием.

Другой тип произведения, гораздо более серьезного, но вышедшего из той же среды княжеских певцов, представляет собой «Слово о полку Игореве». «Слово» принадлежит к числу книжных отражений раннефеодального эпоса того самого типа, о котором мы говорили выше. Оно стоит в одном ряду с такими произведениями, как немецкая «Песнь о Нибелунгах», грузинский «Витязь в тигровой шкуре», армянский «Давид Сасунский» и т. д. Но особенно много общего в жанровом отношении у «Слова о полку Игореве» с «Песнью о Роланде».

Автор «Слова о полку Игореве» причисляет свое произведение к числу «трудных повестей», т. е. к повествованиям о военных деяниях (ср. *chansons de geste*). «Слово» оплакивает поражение Игоря. Это поражение — результат безрассудного, безумно смелого похода небольшого войска князя Игоря в далекие степи на неверных язычников — «паганых» (*paganus* — язычник). Трагичность поражения усугубляется тем, что войско идет навстречу неминуемой гибели, но не может вернуться из-за высокого чувства чести.

Как и в «Песне о Роланде», где седобородый император Карл сочувствует и оплакивает Роланда, хотя и осуждает его, — в «Слове о полку Игореве» седой киевский князь Святослав оплакивает гибель Игорева войска, жалеет о судьбе Игоря и одновременно его осуждает.

Карл и Святослав символизируют собой национальное и государственное единство своих стран. Они мирно управляют, пока герои идут в поход. В русских былинах образам Карла и Святослава соответствует образ киевского князя Владимира Красного Солнышка, при дворе которого живут богатыри, совершающие свои подвиги по защите Русской земли от врагов-язычников.

В «Слове о полку Игореве» вставлено (инкрустировано) другое произведение — «Плач Ярославны», очень напоминающий западноевропейские песни о разлуке («*chansons de toile*»). Как и песни о разлуке, плач Ярославны, жены князя Игоря, «оплакивает» разлуку с мужем, ушедшим в далекий поход на язычников.

В «Слове о полку Игореве», как и в «*chansons de geste*», сильно слышится голос автора. Пока это авторское начало еще слито с началом исполнительским, не отделено от него. В «Слове» автор говорит о себе как об исполнителе своего произведения под аккомпанемент гуслей. Однако это авторско-исполнительское начало чрезвычайно важно для понимания особенностей жанра. Это авторско-исполнительское начало дает возможность лирически интерпретировать события, сопровождать рассказ горестными размышлениями, лирическими восклицаниями и отступлениями и обратиться к слушателям с призывом объединиться и стать на защиту Русской земли.

Лирическое начало пронизывает собой весь стиль «Слова о полку Игореве». В наиболее патетических местах автор дважды восклицает: «О Рус-

кая земля, уже за шеломянемъ еси!». Дважды автор горестно восклицает, прерывая свой рассказ: «А Игорева храброго плъку не крѣсити!».

Для «Песни о Роланде», как известно, также характерны «повторные тирады» («*laises similaires*»). В «Слове о полку Игореве», как и в «Песне о Роланде», кажется, что поэт, пораженный горем, не может расстаться с этим горем, не может перейти к другой теме. Он как бы останавливает свой рассказ, предаваясь горестным размышлениям и воспоминаниям о таких же несчастьях в прошлом.

Между «Словом о полку Игореве» и «Песнью о Роланде» есть и другие черты типологической близости: вещие сны, знамения, приметы, заботливое перечисление военной добычи и мн. др.

О близости «Слова о полку Игореве» и «Песни о Роланде» писали, как известно, многие русские и советские ученые — Полевой, Погодин, Буслаяв, Майков, Каллаш, Дашкевич, Дынник и Робинсон. Прямой генетической зависимости «Слова» от «Песни о Роланде» здесь нет. Есть только общность жанра, возникшего в сходных условиях раннефеодального общества, потребовавшего идеологической помощи в объединении страны.

Но между «Словом о полку Игореве» и «Песнью о Роланде» есть и существенные отличия. Эти различия не менее важны, чем и сходства, для истории раннефеодального эпоса Европы.

Различия эти вызваны вот чем. «Слово о полку Игореве» создано вскоре после событий, по-видимому через несколько лет, тогда как «Песнь о Роланде» формировалась столетиями. Во всяком случае Оксфордская рукопись «Песни о Роланде» относится к XI в. и отстоит от событий поражения Роланда (778 г.) на три-четыре века. Это различие сказывается на приемах художественного обобщения в том и другом произведении. Чудесный, сверхъестественный элемент в «Слове о полку Игореве» слабее, чем в «Песне о Роланде». Гиперболизация в «Слове о полку Игореве» не достигла такой сильной степени, как в «Песне о Роланде», поэтому образ князя Святослава ближе к историческому князю Святославу, чем образ императора Карла в «Песне о Роланде» к историческому Карлу.

«Слово о полку Игореве» «историчнее», ближе к историческим событиям, чем «Песнь о Роланде». Хотя, надо сказать, что тенденции гиперболизации и введения чудесного элемента ясны уже и в «Слове». Гиперболизированы мудрость и сила Святослава, гиперболизированы подвиги брата Игоря — Всеволода Буй Тура. Что же касается до чудесного элемента, то в «Слове о полку Игореве» он все же интенсивно проникает в описания природы. Как и в «Песне о Роланде», природа сочувствует герою, предупреждает его об опасности, помогает ему. Это сочувствие природы русскому войску и предводителю похода обостряет трагичность и лиричность всего произведения.

Вместе с тем, поскольку «Слово о полку Игореве» ближе к животрепещущим событиям, которые послужили его темой, в нем сильнее, чем в «Песне о Роланде», сказывается публицистический элемент, вернее лирико-публицистический. В «Слове» отчетливее, чем в «Песне о Роланде», осуждение князей-современников за их междоусобия и легкомысленную отвагу; громче звучит призыв объединиться и защитить общими усилиями Русскую землю от «поганых» — язычников. «Слово о полку Игореве» «злободневнее», чем «Песнь о Роланде».

Наконец, есть и еще одно важное отличие «Слова о полку Игореве» от «Песни о Роланде», которое заложено как будто бы в разности самих событий. Дело в том, что герой «Песни о Роланде» погибает, герой же «Слова о полку Игореве» бежит из плена. Поэтому «Слово о полку Игореве» заканчивается радостно — славой Игорю.

Однако присутствие в «Слове о полку Игоре» элементов «славы» (прославления) могло быть вызвано не только темой, т. е. событиями, легшими в основу произведения, но и особенностями русского жанра «трудных повестей».

В свое время я уже неоднократно писал о том, что в «Слове» соединены два фольклорных жанра — «слава» и «плач», прославление князей и оплакивание печальных событий. Как это ни странно, эти два жанра близки между собой не только по форме, но и по содержанию: в плачах есть элементы прославления. И в других произведениях древней Руси мы можем заметить тоже соединение «слав» в честь князей и «плачей» по погибшим. Так, например, близкое по ряду признаков к «Слову о полку Игоре» «Слово о гибели Русской земли» представляет собой соединение плача о гибнущей Русской земле со славой ее могучему прошлому.

Это соединение в «Слове о полку Игоре» жанра «плачей» с жанром «слав» не противоречит тому, что «Слово о полку Игоре», как «трудная повесть», близко по своему жанру к «chansons de geste». «Трудные повести», как и «chansons de geste», принадлежали к новому жанру, очевидно соединившему при своем образовании два более древних жанра — «плачи» и «славы». «Трудные повести» оплакивали гибель героев, их поражение, и восхваляли их рыцарские доблести, их верность и их честь.

Как известно, «Песнь о Роланде» не есть простая запись устного, фольклорного, произведения. Это книжная обработка устного произведения. Во всяком случае, такое соединение устного и книжного представляет текст «Песни о Роланде» в известном Оксфордском списке.

То же самое мы можем сказать и о «Слове о полку Игоре». Это книжное произведение, возникшее на основе устного. В «Слове» органически слиты фольклорные элементы с книжными.

Характерно при этом следующее. Больше всего книжные элементы сказываются в начале «Слова». Как будто бы автор, начав писать, не мог еще освободиться от способов и приемов литературы. Он недостаточно еще оторвался от письменной традиции. Но по мере того как он писал, он все более и более увлекался устной формой. С середины произведения он уже не пишет, а как бы записывает некое устное произведение. Последние части произведения, особенно «Плач Ярославны», почти лишены книжных элементов.

* * *

Я начал свою статью с утверждения, что в XI—XIII вв. на Руси недостаточно оформились многие новые жанры и были произведения, которые стояли обособленно в жанровом отношении, носили «монадный» характер. Однако эта жанровая обособленность вела к образованию новых жанров. Мы не можем сейчас решить окончательно, было ли «Слово о полку Игоре» совершенно одиноко в жанровом отношении, как некая «трудная повесть», «chansons de geste», или были и другие произведения того же жанра. Во всяком случае — одинокое или не одинокое — «Слово» представляло собой некое закономерное и характерное явление для литературы и для фольклора раннефеодального периода. «Слово» позволяет во всяком случае утверждать, что лиро-эпические «chansons de geste» были явлением общеевропейским. Вместе с тем, как созданное вскоре после легших в его основу событий, оно позволяет видеть, какими были «chansons de geste» сразу после своего создания.